

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ И ФОТОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

А. Б. Сазантович¹

В статье предпринимается попытка выделить в особую область фотографии, изображающие политическую действительность, и классифицировать их в соответствии с содержанием. Автор предлагает различать, с одной стороны, фотографии, содержание которых имеет незначительную политическую составляющую и которые не несут политической нагрузки, а с другой — фотографии политики и политические фотографии. Содержательный аспект фотографий политики преимущественно отражает те или иные фрагменты политической реальности, при этом такие фотоснимки не интерпретируются зрителем с политических позиций. Политические фотографии, в свою очередь, должны получать политическую оценку, даже если на них непосредственно не отображаются политические реалии.

Ключевые слова: политическая фотография, визуализация, визуальные образы, визуальная коммуникация.

This article attempts to distinguish a specific field of photography, depicting the political reality and to classify them according to content. The author suggests to differentiate, on the one hand, pictures, whose content have little political component, and which do not bear the political meaning, on the other hand — photographs of policy and political photographs. The substance of the policy pictures mainly reflects certain pieces of political reality, however, such pictures are not interpreted by the viewer with a political position. Political pictures, in turn, should receive political evaluation, even if they do not directly show the political realities.

Key words: political photography, photographs of policy, pictures of policy, visual communication.

Интенсивное инновационное развитие технических средств связи обусловило широкое распространение визуальных коммуникаций во всех сферах и областях жизни общества. Одной из популярных форм визуализации социальной реальности, и в частности политических процессов, является фотография. Такие особенности, как многообразие форм существования, неограни-

¹ Сазантович Алексей Борисович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: vertgalant@mail.ru

ченные возможности тиражирования и распространения, высокая информативность, режиссируемость, немалый социализирующий потенциал, выгодно отличают ее от других изобразительных средств и каналов трансляции социальных смыслов. Вместе с тем отечественные ученые начали уделять внимание изучению политической роли фотографии сравнительно недавно, и один из ключевых вопросов в этой области, связанный с выделением особой категории — политической фотографии, остается открытым, тогда как движение в сторону четкого разграничения понятий «политическая фотография» и «фотография политики» способствовало бы успешному накоплению научных знаний об этих феноменах.

Специфика фотографии политики, т. е. фотоснимка, изображающего фрагменты политической реальности, заключена прежде всего в его содержании. В ряде случаев фотографии могут содержать отдельные элементы политической действительности, не неся при этом никакой политической нагрузки. Например, иностранный турист, случайно запечатлевший на пленку незнакомого ему политика в чужой стране, показывает фото друзьям, и при этом ни одному из них сфотографированный человек не знаком — в такой ситуации содержание фотографии никак не ассоциируется с политическим процессом. Очевидно, что фотоснимок, определяемый нами как «фотография политики», должен изображать фрагменты политической действительности, которые будут узнаваться зрителями или хотя бы признаваться таковыми (политическими). То есть образы на фотографии должны обладать особыми чертами, соответствовать понятию политического, которое также требует уточнения. Карл Шмитт в основу трактовки политического кладет тезис о наличии специфических противоположных категорий (противоположностей) в области любых общественных отношений — экономических, правовых, религиозных, морально-этических и т. п. С этой точки зрения с этикой можно сопоставить понятия «добро» и «зло», с экономикой — «рентабельность» и «нерентабельность», а политической сфере и собственно политическому как феномену Шмитт приводит в соответствие категории «друг» и «враг». Их противостояние и должно, по его мнению, определить суть и содержание политических отношений. Враг в этом контексте рассматривается как борющаяся совокупность людей, которая противостоит такой же совокупности, а сама борьба происходит в публичной сфере, где сталкиваются групповые интересы [5, с. 43].

Нужно обратить внимание на некоторую дихотомию, которая прослеживается в отношении политического с другими сферами жизни общества в концепции, предлагаемой К. Шмиттом. С одной стороны, он приходит в своих рассуждениях к тому, что политическое характеризует наивысшую степень интенсивности рассматриваемого противоречия [5, с. 43]. Отсюда следует, что сам враг не может быть аморальным, нерентабельным (негативные характеристики из области этики и экономики соответственно), но нерентабельный

или аморальный могут «дорости» до врага ввиду усиления противостояния. Далее К. Шмитт настаивает на беспредметности политического, опираясь на свой тезис о том, что оно есть лишь характеристика возникшего противоречия [5, с. 53-54]. Например, войну, начатую по религиозным или экономическим причинам, он считает совсем не религиозной или экономической. Из специфических противоположностей, присущих именно этим сферам жизни, невозможно вывести четкое различие друга и врага, настолько важное для политического. Наоборот, в соответствующей сфере — экономической, религиозной, юридической — противостояние в таком случае доходит до уровня интенсивности политического противодействия, в рамках которого война — наиболее политическое средство. Таким образом, переход от любой борьбы противоположностей в сторону самой интенсивной (друг — враг) можно рассматривать как движение в сторону политического. Соответственно, снижение интенсивности противостояния или отсутствие врага конкретного или врага как такового (что, впрочем, возможно скорее в сфере частных интересов, нежели публичных) выхолащивает политическую составляющую любого взаимодействия.

Однако такое противостояние, даже в форме войны, может, наоборот, выйти за рамки политического, если врага хотят не просто побороть как врага, но еще и представить аморальным, бездуховным, экономически неэффективным, одним словом, привести к паре противоположностей из другой, не политической сферы. На частном уровне это порождает ряд вопросов. Что же есть борьба врага против врага на самом деле и почему теледебаты или «война компроматов» в рамках предвыборной кампании — явления политические? Если вникнуть глубже в суть указанных явлений, то они все же являются противостоянием двух (или более) политиков как врагов в их борьбе за победу, например, на выборах. Противостояние это бесспорно публично, потому что каждый из них выражает интересы той или иной социальной группы и опирается на ее поддержку. В то же время использование компрометирующих материалов, порочащих репутацию оппонентов, попытки утвердить в обществе мнение об экономической неэффективности их предвыборной программы выступают только как инструмент публичной борьбы неких социальных совокупностей, в ряде случаев персонифицированных личностями конкретных лидеров.

Можно ли считать такое понимание политического достаточным применительно к рассматриваемой нами проблеме или же при ограничении понятия политического необходимо обратиться также к дефинициям собственно политики? Анализ распространенных и признанных трактовок политики действительно позволяет сделать некоторые уточнения. Вспомним, что М. Вебер понимал политику как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти» [4, с. 646]. В идеях Д. Истона прослеживается понимание политики как привнесения ценностей в общество авторитар-

ным способом [1, с. 634]. И наконец, с позиций Г. Лассуэлла, политику можно рассматривать и как средство решения социальных проблем [7, с. 191-192]. Предложенные подходы задают два смысловых поля. С одной стороны, в трактовке, предлагаемой М. Вебером и понимающей политику как стремление, очевидна близость этого понятия к соперничеству или даже борьбе, а конечный смысл такого определения может быть воспринят именно как соперничество в стремлении к участию во власти. Авторитарное привнесение ценностей в общество и решение социальных проблем, оставляя соперничество как бы в стороне, тем не менее также неразрывно связаны с властными отношениями, поскольку власть выступает инструментом выполнения указанных функций.

Позицию М. Вебера, если попытаться усмотреть в ней не просто стремление, но соперничество или борьбу за участие во власти, можно соотнести с центральной идеей К. Шмитта о противостоянии как основе политического. Остальные моменты, связанные с распределением ресурсов и ценностей в обществе и решением социальных проблем, также нельзя оставлять без внимания. Частично они могут соответствовать утверждению Шмитта о неразрывной связи политического с государством и в некоторой степени подпадать под так называемые вторичные понятия о политическом [5, с. 44]. Однако все же необходимо выделить эти характеристики в отдельную категорию с общим наименованием «реализация функций политической системы». С одной стороны, это даст возможность не оставить без внимания множество действительно политических взаимодействий, а также видов государственной политики (социальную, экономическую и т. п.), с другой же — для верной расстановки акцентов эта категория должна безусловно носить подчиненный, вторичный характер по отношению к главным чертам политического как сферы специфического противостояния. Таким образом, обязательное условие для так называемой фотографии политики — это изображение необходимой степени противоречия, или фактов выполнения функций политической системы. В такой ситуации фотография или иное изображение (гравюра, рисунок и т. п.), показывающие сцену восстания Желтых повязок или средневековой битвы, даже неосведомленным зрителем будет признаваться как визуализация неких политических событий. Тем не менее собственного мнения или оценки этих событий такой зритель иметь не будет.

В этот момент обнаруживается другое условие, выполнение которого необходимо для существования в принципе и для отделения собственно политической фотографии от фотографии, изображающей политические сцены (фотографии политики). Суть этого весьма необходимого условия состоит в том, что содержание фотоснимка должно быть таковым, чтобы он обязательно получал у зрителя интерпретацию с политических позиций, даже когда само изображение не включает непосредственно политических образов (событий, лидеров и т. п.). Становится, следовательно, очевидным, что детерминанты по-

литического в фотографии выходят за рамки самого изображения и диктуются не только и зачастую не столько визуальным пространством фотоснимка.

Обращение к работам ученых, исследовавших структуру фотографического сообщения, помогает обозначить рамки дальнейшего поиска. Например, П. Штомпка рассматривает фотографию как элемент реальности в тройном смысле: она создается людьми, отражает социальную реальность и ориентирована на общественное восприятие. Тем самым он выделяет три аспекта любого снимка: автора, образ и аудиторию [6, с. 78]. Похожей позиции придерживается Р. Барт, отмечая, что «комплекс этого сообщения образуют источник-отправитель, канал передачи и среда получателей» [3, с. 378]. Сопоставление этих очень схожих подходов позволяет представить структуру визуальной (фотографической) коммуникации следующим образом: автор-отправитель (фотограф и люди, причастные к созданию фото), канал передачи, среда получателей и само сообщение. Р. Барт, очевидно, не случайно указывает именно на «среду получателей», как бы сливая воедино самого зрителя-получателя и среду-контекст, тем самым подталкивая к комплексному осмыслению, с одной стороны, особенностей восприятия фотографии зрителем, а с другой — контекста, в котором это восприятие происходит и который оказывает на него существенное влияние.

Указывая на парадоксальность фотографии, Р. Барт отмечает интересную закономерность. Помимо денотата (фотографического аналога реальности) практически все визуальные формы несут в себе коннотативное значение, как бы рассчитанное на отклик в системе ценностей и культуре общества и передаваемое посредством системы соответствующих кодов. Фотография же передает такое скрытое сообщение, не имея в себе никакой системы привычных шифров. Это вновь указывает на особую роль сознания получателей и контекстуально-ситуативных факторов. Однако Барт пишет и о возможности отправителя использовать все же особую систему знаков для передачи коннотативных смыслов [3, с. 382-383]. Подобные знаки носят характер исторический, культурный, тем самым апеллируя к традициям и ценностям общества. Это, в свою очередь, снова подчеркивает значимость контекста восприятия фото и ограниченность средств фотографа-отправителя, который для трансляции коннотативных значений должен обладать определенным знанием о культуре, традициях, историческом опыте и т. п. Вместе с тем роль отправителя в создании смыслов, в том числе и политических, не стоит полностью упускать из виду. Этому мнению придерживается и Р. Арнхейм, обращая внимание на тот факт, что фотограф неизбежно становится частью изображаемой им ситуации [2, с. 123]. А П. Штомпка возможные сюжеты фотографий, отображающих социальную реальность, разложил на 15 самых общих контекстов, в рамках которых отображаются ее аспекты (фрагменты действительности), хотя бы частично задаваемые автором-отправителем [6, с. 32-33]. Все это позволяет обнаружить

и особый контекст самого снимка, в который погружены фотографируемые объекты и который попадает в сознание зрителя-получателя в комплексе целостного изображения и создает некий микроконтекст, существующий в сознании зрителя, а не в действительности, но тем не менее способный повлиять на восприятие и интерпретацию фотографии.

Дополнительным нюансом может выступать канал передачи фотографического сообщения. С одной стороны, фотография уже может рассматриваться как особый канал передачи информации аудитории, с другой же — фотографическое сообщение все равно должно быть доставлено своим получателям посредством того или иного канала. Анализируя газетные фотографии, Р. Барт утверждает, что дополнительным фактором трансляции смыслов может быть подпись фотографии, текст статьи, к которой она прикреплена и даже название газеты [3, с. 378].

Все сказанное позволяет с определенной долей условности выделять в потоке фотографической коммуникации политические фотографии и фотографии политики и различать их между собой в соответствии со спецификой их содержания следующим образом. Фотография политики неизбежно заключает в себе изображение фрагментов политической действительности, не получая вместе с тем политически окрашенной интерпретации у зрителя. Политическая фотография, в свою очередь, является таковой, когда ее содержание, включая такие элементы, которые, не будучи политическими, оцениваются с политических позиций.

Библиографический список

1. Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2.
2. *Арнхейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
3. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
6. *Штомпка П.* Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007.
7. *Lasswell H. D.* Psychopatology and politics. Chicago, 1977.